

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА В ПОЭЗИИ Э. МИЛЛЕЙ И К. БУЙЛО

В статье анализируются и сравниваются взгляды американской поэтессы Э. Миллей и белорусской поэтессы К. Буйло на природу творчества в контексте художественных тенденций начала XX в. На основе сравнительно-типологического изучения общих для их лирики образов и мотивов, дополненных индивидуально-авторскими смыслами, сформулированы творческие принципы этих поэтесс. Обеих объединяет представленная в их поэтических произведениях концепция творческой личности, которая утверждает приоритет духовного начала над телесным.

Ключевые слова: Э. Миллей, К. Буйло, мотив, сравнительно-типологическое исследование, художественная рефлексия, концепция творческой личности, песня.

Введение. С давних времён и по сегодняшний день художники слова не устают высказываться на тему творчества – его истоков, предназначения, эстетических принципов, социально-общественной миссии. Очевидно, эта тема – на все времена; более того, в наше непростое, кризисное время в силу разных причин ее актуальность только возрастает в языковом образовании.

Одной из особенностей художественного сознания XX–XXI вв. называют рефлексивность, которая проявилась в попытке раскрыть сущность и принципы функционирования искусства в различные исторические эпохи, понять природу соотношения его различных видов и мира. Российский исследователь М. А. Хатямова подчёркивает, что художественная саморефлексия обостряется в переходные моменты в связи с "массовой сменой одних типов художественных структур другими" [8, с. 4]. В частности, Д. П. Бак указывает, что "усиление его рефлексивности" обусловлено как "формальным поиском в литературе", так и "продолжением романтического варианта кризиса" [1, с. 43]. Также проблема литературной рефлексии разрабатывалась в работах учёных Д. М. Сегала, В. И. Тюпы, Д. П. Бака, Н. С. Бройтмана, В. А. Максимовича, В. М. Петрова, С. В. Колядко, В. А. Коваленко и др.

С самого начала XX в. для белорусской литературы становится актуальной проблема национального художественного творчества (его истоки, назначение и характер взаимодействия с действительностью). В итоге "появилось много стихотворений о поэте и поэзии" и их роли в общественной жизни страны. М. Мушинский аргументирует этот факт следующим образом: "В сущности мы имеем дело с произведениями, в которых обосновывается идейно-эстетическая программа, художественное кредо поэтов" [5, с. 70]. Поэзия стала выполнять функцию литературной критики: в концентрированном виде представлять "самые актуальные эстетические, философские, гражданские, моральные проблемы того времени" [7, с. 128]. Основные концепции развития белорусской литературы, её цели и задачи сформулированы в публикациях "Сплачвайце доўг" В. Ластовского, "Адказ Юрцы Верашчаку" Я. Купала, "Апокрыф" М. Богдановича.

В американской литературе также происходило переосмысление накопленного европейской и национальной культурами опыта и поиск новых этико-эстетических ориентиров (идеалов), соответствующих потребностям общества. В борьбе за новаторский художественный язык на время заключили союз все те, кто стремился к подлинной творческой независимости, отказываясь "от обветшалых романтических форм" и стремясь "говорить о живой сегодняшней действительности Америки" [6, с. 534]. Общим для американских писателей было "чувство истощенности традиций предыдущего периода" и интерес к поискам европейской литературы, "жажда обновления арсенала выразительных средств" и "преодоление эпигонских тенденций", отказ от условностей и отрицание канонов, требующих классической метрики, строфики, рифмы [6, с. 535].

Важно отметить, что в начале XX в., когда в литературе не было доминантного направления, и художественные установки могли быть аргументированно оспорены с позиций тех или иных идейных и эстетических представлений, особое место занимает творчество отдельных авторов. Произведения американской поэтессы Эдны Миллей (Edna Millay, 1892–1950) и представительницы белорусской литературы Констанции Буйло (1893–1986) создавались в период активного поиска и утверждения художественно-эстетических ориентиров в национальных литературах, а это значит, что сравнительно-типологическое исследование общих закономерностей и национального своеобразия интерпретации творчества как особой философско-эстетической категории позволит определить мировоззренческие и эстетические позиции авторов.

Цель данной работы – проанализировать взгляды Э. Миллей и К. Буйло на природу творчества в контексте художественных тенденций начала XX в. Материалом для анализа послужили сборник К. Буйло "Курганная ветка" (1914) и стихотворения, напечатанные в газете "Наша ніва" (1909–1915); сборники Э. Миллей "Возрождение и другие стихотворения" ("Renascence and Other Poems", 1917), "Несколько ягод с кустов чертополоха" ("A Few Figs from Thistles", 1920), "Второй апрель" ("Second April", 1921), "Сплетающая струны арфы и другие стихотворения" ("Harp-Weaver and Other Poems", 1923).

Исследование основано на принципах сравнительно-типологического, биографического, историко-культурного методов и мотивном анализе текста.

Результаты исследования и их обсуждение. В начале XX в. творчество рассматривали как категорию, объединяющую культуру, природу и человека во времени и пространстве, предполагающую создание объективно нового и невозможную без углубления ранее созданного или его отрицания. Эта идея в полной мере соответствует творческим принципам Э. Миллей и К. Буйло, которые акцентировали значимость литературных традиций предшествующих эпох. Их нельзя назвать поэтессами "без корней".

Важную роль в образовании и развитии творческого таланта К. Буйло сыграл отец Антон Буйло: он привил ей любовь к чтению, слову, стихотворению. В детстве будущая поэтесса имела возможность познакомиться с произведениями Ф. Богушевича, Т. Шевченко, М. Лермонтова, А. Мицкевича. По признанию самой К. Буйло на её творчество оказали влияние "А. Толстой, Горький, Достоевский, Паустовский, Твардовский. Возможно ли перечислить всех тех, чьи разум, талант и душа навсегда оставили след в памяти" [3, с. 307]. Произведения своих современников Я. Купалы, Я. Коласа, Ш. Ядвигина, З. Бядули, М. Богдановича она находила на страницах "Нашай нівы" – любимом издании отца. Примечательно, что эта газета способствовала рождению и становлению К. Буйло как поэтессы. Известно, что в 1909 г. она отослала свои стихотворения "Скора зіма" и "Хвоя" в редакцию "Нашай нівы" и была несказанно удивлена их публикации. Во время учебы в Вильно (1914 г.), работы учителем на Лидчине (1915 г.) и в книжном магазине в Полоцке (1915–1916 гг.) К. Буйло продолжала знакомиться с произведениями белорусских писателей. Она особо отмечала литературный талант М. Богдановича, который характеризовала как "гартаваны як сталь і мяккі ў пачуццях як музыка Чайкоўскага" [3, с. 307].

На формирование эстетических взглядов белорусской поэтессы значительное влияние оказало творчество Я. Купалы. Это становится очевидным при прочтении её стихотворений "Адна" и "Не глядзі", которые можно рассматривать как женские аналоги известных купаловских "Не глядзі...", "Адзін". Известно, что К. Буйло была лично знакома с Я. Купалой и являлась близкой подругой его жены Владиславы Францевны (Уладкі). Великому классику белорусской литературы предназначено стихотворение "Звон", о чем свидетельствует посвящение "Янку Купалу" [4, с. 12]. В произведении автор раскрыла как свое восприятие творчества "песняра", так и в целом обозначила роль поэтического искусства в жизни нации: *"Ён плыў над палямі <...> / Праносіўся ў далі <...> / То рэхам над лесам, як гром рассыпаўся, / То зноў заміраў, а то калыхаўся / І мякка і плаўна гудзеў. / Ён зваў да жыцця і да лепшае долі / Усіх, хто сном каменным спаў <...> / І ўстаў народ цэлы, і ўстаў як бы новы, / Да бою за волю ўстаў."* [4, с. 12]

Несмотря на желание американской поэтессы "идти без проложенной дороги", готовность к самостоятельному творческому выбору, поиску новых тем, образов и форм самовыражения, в своих письмах Э. Миллей неоднократно указывала на "особое отношение" к творчеству великих поэтов-предшественников: она "сходила с ума от Ибсена", знала наизусть "Рубаи" О. Хайяма, а знакомство с монологом Джульетты из пьесы "Ромео и Джульетта" У. Шекспира "полностью перевернуло" сознание поэтессы [11, с. 34]. Американский биограф и критик Д. М. Эпстейн (D. M. Epstein) отмечает, что поэтесса в некотором смысле продолжает традиции Горация и Катутла, английских романтиков Дж. Китса, П. Б. Шелли и С. Т. Кольриджа [10, с. 49].

Сквозной в лирике американского и белорусского авторов является тема творческой личности, ищущей справедливость, свободу и красоту в негармоничном мире, что выявляет актуализацию общих для их произведений мотивов книги и песни, которые дополняются индивидуально-авторскими смыслами, заключенными для Э. Миллей в словах бард ("bard"), менестрель ("minstrel"); для К. Буйло – "голос", "звон", "напеў", "спеў", "казка", "зык".

О месте поэта и его предназначении Э. Миллей рассуждает в стихотворении "К Кэтли" ("To Kathleen"). Автор видит цель творчества в служении красоте, которая объединяет "цветы, песню и человека": *"Still must the poet as of old / In barren attic bleak and cold, / Starve, freeze, and fashion verses to / Such things as flowers and song and you"*. [12]. В произведении полностью отрицается как "смертность" природы, символически выраженной образом цветка, так и "песни" – результата творческой деятельности человека, а значит и поэта: *"Beauty may not die as long / As there are flowers and you and song."* [12]. В стихотворении "Бобовый стебель" ("The Bean-stalk") также акцентируется эстетическая функция поэзии. Автор утверждает значимость воображения в достижении творческих целей: путь, который проделывает поэт, используя бобовый стебель-лестницу, чтобы добраться до небес и стать подобным великану, аллегорически сравнивается с творческим процессом: *"Ho, Giant! This is I! / I have*

built me a bean-stalk into your sky! / <...> This is how I came, – I put / Here my knee, there my foot, / Up and up, from shoot to shoot ..." [12].

"Я следую красоте" – заявляла Э. Миллей, комментируя содержание своих произведений [11]. Её американский лирик находила в человеческой натуре, музыке, природе, творчестве предшественников и современников. Однако приоритетным источником вдохновения становился близкий и любимый человек:

"What now – what now to me / Are all the jabbering birds and foolish flowers / That clutter up the world? You were my song!" [12]. В стихотворении "Грешник" ("The Penitent") перечисляются основные пороки человека – безвкусица, посредственность, вульгарность, излишнее благоразумие и самообман, которые, как правило, препятствуют формированию и достижению эстетического идеала.

По мнению К. Буйло, художник, создавая "дзіўны спеў", что "мчыць душу <...> ў чароўны край прадвесні", не должен замыкаться внутри него, уходить от фактов жизни, т. к. его задача – достичь единения идеала с окружающим миром: *"Чуць магутны прызыў да магілаў даплыў – / Разамкнуліся разам магілы ..."*, *"І мо зробіш, што красою / Яна новай заяснее, / Пахам шчасця і надзеі / Узнясецца над зямлёю."* [4, с. 23–24, 51]. В результате воображение поэтессы создаёт собственную удивительную, яркую, мистическую, непохожую на существующий мир реальность: *"Дзе я? Чырвонасць зор, блакіт паднебнай далі, / І сонца ясны бляск <...> / І згинуў сон <...> І зноў ў чароўны край прадвесні / Мчыць душу дзіўны спеў!"* [4, с. 15]. Одновременно утверждается мысль о возможности преобразовать окружающую действительность с помощью чувств, воли и активных действий, воплотить мечту в жизнь: *"Мы туманы развеем; / Як у пялёнках, ў іх наш край родны ляжыць. / Каханнем маладым мы дух яго сагрэем, / Нізіны кіне ён і вышай узляціць"* [4, с. 15].

Все же главная цель творчества, по мнению К. Буйло, заключается в пробуждении сознания читателя, и, как следствие, укреплении его гражданской позиции: *"Павінна мэтай быць усіх – шырыць прасвету, <...> / Нам свечачамі быць! У цемры аніводнай / Не бачна зорачкі? / Мы будзем распяляць"* [4, с. 14]. Поэтому стихотворения белорусского лирика можно определить, как призывы, которые способны "збудзіць" нацию. К. Буйло полагала, что особенно важно для поэта – тонко чувствовать и точно отражать переломные, кризисные моменты: *"Мы ім песню спяем, песню зычну, як гром, / Ў ёй раскажам аб нашым народзе. / Ў ёй пець будзем аб тым, што было, ды, як дым, / Расплылося у віхравай хвалі, – / Хай той зык паплыве, дзе народ наш жыве"* [4, с. 24]. Е. А. Городницкий уточняет, что подобное сакральное отношение к поэтическому слову было характерно как "для представителей классического периода белорусской литературы", так и "представителей других славянских литератур" [7, с. 130–131].

Следует отметить, что концепция творческой личности обеих поэтесс включает две составляющие – дух и плоть (К. Буйло: "Каб я мела", "На крыллі песні", "Кветкі"; Э. Миллей: "The Poet and His Book", "Renascence", "Ode to Silence"). В лирике американского автора это нашло отражение в изображении души, которая переживает взлёт, а потом падение и возрождение. В стихотворении "То не песня" К. Буйло человек с его обыденными интересами, чувствами и эмоциями противопоставлен внутреннему миру "песняра", а в "Ляці, душа" представлено развернутое описание самостоятельного пребывания души над землей, ее преображения и возвращения "к сваёй старонцы" для того, чтобы "у светлых вобразах прычудлівых надзей" стать "праменнямі прадвесні", "зоркай-правадніцай" [2, с. 20–21]. Обе поэтессы признают приоритет духовного начала, рассматривая тело как рамку, "сковывающую" душу, и источник новых чувств и эмоций:

*Your body was a temple to Delight;
Cold are its ashes whence the breath is fled,
Yet here one time your spirit was wont to move;*

*E. Millay "As to some lovely temple,
tenantless" [12]*

*Сягоння... Сягоння таго ўжо няма,
Сягоння я з сумтай душою,
Як тая, пакрытая слоём дзярна,
Магіла з уласнай труною...
А я у магілу схавала сваю
Гроб вечны – душу...*

К. Буйло "Кветкі" [4, с. 20]

В поэтических произведениях и Э. Миллей, и К. Буйло частотным является мотив песни, значение которого выходит за пределы лирического рода. Вслед за романтиками начала XIX в. под "песней" оба автора понимают поэтическое слово. Это особенно очевидно в стихотворениях Э. Миллей "Into the golden vessel of great song", "To a Poet That Died Young", "The Suicide" и К. Буйло "То не песня", "Дзень сканаў за гарой...", "На крыллі песні":

*Into the golden vessel of great song
Let us pour all our passion...
E. Millay "Into the golden vessel of great song"
If an old song leap
To your senses' level*

*At such moments, may it be
Sometimes, though a moment only,
Some forgotten, quaint and homely
Vehicle of me!*

E. Millay "To a Poet That Died Young" [12]

*То не песня мая так далёка ляціць,
Як хаўтурны той звон, гулкім сумам гудзіць –
То не песня мая,
Не няю гэтак я.
К. Буйло "То не песня" [4, с. 9]*

*Я бы з песняй паляцела
Ў горад той далёкі...
Я спявала аб свабодзе,
Аб шчаслівай долі...*

К. Буйло "Каб я мела..." [4, с. 13]

К слову, обращение К. Буйло к мотивам музыки и её исполнителей ("лірнік", "гусляр", "дудар", "песняр") соответствует общему направлению развития национального литературного процесса, утверждавшего "необходимость объединения двух составляющих – художественной и гражданской (общественной)" [9, с. 94].

Заклучение. Американский и белорусский авторы утверждают культ творчества как преобразующей деятельности, доступной человеку благодаря воображению и силе воли. Освоение художественной и исторической действительности позволило Э. Миллей поднять вопросы человеческого бытия и духа, первоначально утверждая эстетическую функцию творчества. В силу сложившейся социально-политической и национальной ситуации К. Буйло "предпочитает" позицию поэта-гражданина, однако органично сочетает её с утверждением значимости прекрасного. В трактатке белорусской и американской поэты творческий процесс – это способ постижения себя в мире, а поэзия – отражение действительности. Оба автора допускали, что литература обладает способностью перевоссоздавать мир, и представили человека искусства (поэта, "песняра") как воплощение идеала, в котором субъективно-чувственное начало сопряжено с общественными ценностями.

Использованные источники

1. Бак Д. П. История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении / Д. П. Бак. – Кемерово : КемГУ, 1992. – 82 с.
2. Буйло К. Выбранные творы: у 2-х т. / К. Буйло. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 1 : Вершы, паэма. – 302 с.
3. Буйло К. Выбранные творы: у 2-х т. / К. Буйло. – Мінск : Маст. літ., 1981. – Т. 2. – 334 с.
4. Буйло К. Пялёсткі курганнай кветкі / К. Буйло. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. – 95 с.
5. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: У 4 т. / НАН Беларусі, Акадэмія гуманітарных і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; рэдкал.: У. В. Гніламедаў [і інш.]. – Мн. : Бел. навука : 1999–2014. – Т. 1. : 1901–1920 / навук. рэд. І. Я. Навуменка, В. А. Каваленка. – 3-е выд. – Мн. : Бел. навука, 2003. – 583 с.
6. Зверев А. М. Поэтический ренессанс / А. М. Зверев // История всемирной литературы. Т. 8. – М. : Наука, 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.feb-web.ru/История_всемирной_литературы/v18/v18-5332.htm. – Дата доступа : 14.09.2014.
7. Літаратура пераходнага перыяду: тэарэтычныя асновы гісторыка-літаратурнага працэсу / М. А. Тычына [і ін.]; навук. рэд. М. А. Тычына. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 363 с.
8. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. Монография / М. А. Хатямова. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 430 с.
9. Чарота І. А. Беларуская літаратура XX стагоддзя і працэс нацыянальнага самавызначэння : дыс. ... д-ра філал. навук : 10.01.01 / І. А. Чарота. – Мінск, 1998. – 294 с.
10. Epstein D. M. *What Lips My Lips Have Kissed: The Loves and Love Poems of Edna St. Vincent Millay* / D. M. Epstein. – New York : Henry Holt and Co., 2002. – 328 p.
11. Millay E. *Letters of St. Vincent Millay* / E. Millay // ed. A. R. Macdougall. – New York : Harper, 1972. – 384 p.
12. Millay E. *Poems* / E. Millay // The World's Poetry Archive. 2006. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.poemhunter.com/i/ebooks/pdf/edna_st_vincent_millay_2004_9.pdf – Date of access: 15.12.2008.

Кріштон І. С.

**ТЕМА ТВОРЧОСТІ
В ПОЕЗІЇ Е. МІЛЛЕЙ І К. БУЙЛО**

У статті аналізуються та порівнюються погляди американської поетеси Е. Міллей і білоруської поетеси К. Буйло на природу художньої творчості у контексті тенденцій початку ХХ ст. На основі порівняльно-типологічного вивчення загальних для їхньої лірики образів і мотивів, доповнених індивідуально-авторськими смислами, сформульовані творчі принципи цих поетес. Обоє об'єднує представлена в їх поетичних творах концепція творчої особистості, яка стверджує пріоритет духовного начала над тілесним.

Ключові слова: Е. Міллей, К. Буйло, мотив, порівняльно-типологічне дослідження, художня рефлексія, концепція творчої особистості, пісня.

Krishtop I. S.

**THE THEME OF CREATIVITY
IN E. MILLAY'S AND K. BUJLO'S POETRY**

The article is aimed at studying the theme of creativity in E. Millay's and K. Bujlo's poetic heritage written in the beginning of the 20th century – the period of active search for new ways of artistic expression and aesthetic experiments. Comparative analysis reveals the common features and unique meanings in the systems of cultural and individual attitudes of American and Belarusian poets who believe that they are able to bring about social and spiritual change with the help of poetry. Both writers consider that the creative process is the best way of understanding ourselves in the world, and genuine poetry is the reflection of reality.

The concept of creative personality presented in E. Millay's and K. Bujlo's works is based on the priority of the spiritual over the corporal. One of their main images is the soul which is ready for transformation (rebirth) or can exist (mainly fly) independently. Nevertheless, both poets treat the body not only as frame that limits the human soul but the source of new emotions and feelings.

Considerable attention is paid to the motifs of a song and a singer which help the poets explore the confines of both art and real world, understand the power of imagination and oppose it to the diversity of reality. E. Millay raises issues of human existence and asserts the priority of aesthetic function of art. She is firmly convinced that beauty is the most important thing. The American poet finds it in a human soul, music, nature, the works of predecessors and contemporaries. However, the primary source of her inspiration is a beloved man. K. Bujlo stresses the importance of beauty as well but prefers the position of the poet-citizen because of prevailing social-political and national situation. The poems of Belarusian writer therefore can be defined as appeals addressed to the entire nation. This fact complies with general tendency of the national literary process that presupposed the combination of two components – art and civic participation.

Key words: E. Millay, K. Bujlo, motif, comparative analysis, artistic introspection, the conception of the creative personality, song.

Стаття надійшла до редакції 04.09.2017.